

Николай ВОРОНОВ

Истина о самом себе

> О подмосковном Переделкине, Магнитке, Калуге, Оптиной пустыни, Москве и о тех, кто был оклеветан

Продолжение. Начало в № 55, 58, 61, 63, 66, 69, 72, 75, 78, 81, 84, 89, 92, 96, 99, 104, 108, 113, 117, 125, 134, 137, 140, 145, 148, 151

Редактор Строкова

Вела «Дневник расстрелянного» редактор Полина Петровна Строкова, назначенная в Южно-Уральское издательство после окончания московского университета. Есть девушкашки, тогда они встречались чаще, кто сразу производит неотразимое впечатление восхитительной положительностью: умница, сама искренность, чистота, бережливость, независимость, безошибочность. Так проявляла себя со всей неизблемостью Полина Строкова, отстаивая целостно текст «Дневника расстрелянного», еще рукописный, потом наборный и превращенный в книгу. Я выезжал в поддержку Полины Строковой уже из Калуги, куда перебрался с Магнитки. Странно, нелепо, постыдно было то, что цензор Вилен и деятели областной пропаганды предлагали выдерки в угоду бесчестию. Многовато украинских предателей, полицаяв, прислужников фашистской власти – надо убавить. Кто-то из них издеватель, убийца, а кто-то изобличает, как националист Игловый, засилие еврейских жен у вождей – убавить.

Изменников, начинающих хулить Гитлера и его новый порядок, – убавить. Получалось подталкивание к обелению оккупационной ситуации среди населения. Улучшать врагов советского народа и устранять чье-то недовольство, пусть и справедливое, властью большевиков, – и только Полина Петровна и я, и цензорша, которая вела книгу Германа, этому строго противостояли. Но, увы, сей вымороченный процесс закончился увольнением Строковой, а из книги, невзирая на то, что она уже сброшюрована, производились выдерки. Те экземпляры «Дневника расстрелянного», которые купили расторопные читатели, разыскивались через продавцов книжных магазинов. И для меня, не однажды пережившего цензурно-идеологические истории, жандармский поиск части раскупленного тиража был удивителен до безобразности. Сейчас передо мной томик «Дневника расстрелянного» со следами выдерки.

Партийный запрет

И я поехал в столицу, чтобы защитить уволенную Строкову и спасти остановленную книгу. Из разговоров с Полиной Петровной и главным редактором Южно-Уральского издательства Борисом Маршаловым я узнал, что увольнение и запрет санкционированы сектором отдела пропаганды и агитации ЦК КПСС, поэтому я направился к руководителю сектора Борису Ивановичу Стукалину.

Предварительной договоренности о встрече не было. Шел 1964 год, в ЦК партии еще доверчиво пропускали по членскому билету. Стукалин отсутствовал, но должен был объявиться. Принял решение во что бы то ни стало дождаться его. Перестрел Стукалина в коридоре. Знаком с ним не был, но видел его в Государственном Комитете Печати РСФСР, который он раньше возглавлял. Сцепились чуть ли не в соре. Он набросился на меня, как на

КОЛАЖ > МАРИНА НИКОЛАЕВА

основного виновника издательской свары вокруг «Дневника расстрелянного». Он судил о сборнике Германа Занадворова с телефонной подачи цензуры и партийных функционеров, где фигурировали отдельные фразы и места, вырванные из текста. Стукалина, конечно, были известны лично мои цензурные заварухи: в Челябинске, в связи с прохождением моих книг «Бунт женщины» и «Гудки паровозов»; в Москве угроза директора издательства «Молодая гвардия» Васильева рассыпать сборник моих идейно порочных рассказов «Голубой снег», и, после задержки вышедшего под названием «Ожидание». Сказались, победно, убежденность моей редакторши Ксении Чаевской, что директор заблуждается, а также главного редактора Сергея Потемкина и, нет сомнения, защита первого секретаря Союза Писателей СССР

Георгия Маркова; на Магнитке остановлено печатание повести «Теплые монеты» в газете «Магнитогорский рабочий». Опубликовали девять отрывков, потом – запрет этой повести еще и в журнале «Молодая гвардия», и книги по ее названию в издательстве того же наименования, уже подготовленных к печати; изъята из журнала «Новый мир» № 4 за 1964 год повесть «Происшествие», переименованная Александром Твардовским, – у автора называлась «Гибель такси», – и опубликованная лишь через четверть века издательством «Московский рабочий», редактор – Яков Маркович.

Экземпляр без выдерок

Рьяно грызлись мы со Стукалиным, затем он стал склоняться к моему убеждению, и я, чтобы оно закрепилось, предложил ему само-

му прочесть книгу, – благо у меня имелся экземпляр без выдерок. У Стукалина была хорошая чиновничья репутация, и он не посрамил ее: принял решение восстановить на работе Строкову, а «Дневник расстрелянного» пустить в продажу. Восстановить-то Строкову восстановили, но не для редактирования художественной литературы (местный произвол) – для заказной: от инструкции по искусственному дыханию до брошюр юбилейного пошиба. Вскоре она вышла замуж за машиниста электровоза.

Приняв фамилию Шабанова, Строкова быстро уехала с мужем в Сибирь, а теперь вдовствует на Украине. Сокрушающее унижение Строковой Полины Петровны цензурно-идеологической кодлой остается позором Челябинца, где несмываемо из десятилетия в десятилетие процветали типы пошиба виленов, шмаковых, гроссманов, вохминцевых... И хотя кто-то из начальников, сочувствующих Строковой, попытался отвести от нее служебный удар, выпустив «Дневник» в предварении на шмуцтитуле: «Сборник составлен и отредактирован на общественных началах Н. П. Вороновым», это, напротив, усугубило ее отношение к происшедшему.

От подружки Строковой по университету, журналистки Хожаловой Тамары, – кое-что из семейной биографии Полины. Отец и мать Строковы – из богатых воронежских крестьян, в начале 30 годов они с детьми – два сына и три дочери – оказались в Кемерове, то ли их раскулачили и сослали туда, то ли они сами перебрались, предвидя лишения. Полина училась в Кемерове, поступала в университет как сибирячка. Из Челябинска ее семья, похоже, переехала в Кемерово: после ядерного взрыва в Челябинске-40 ее муж заболел

белокрымием. Из Сибири Шабановы подались на Украину. Там уже находились сестры и братья Полины.

Двухтомник Занадворовых

В 1967 году Пермское издательство выпустило пакетом двухтомник Владислава и Германа Занадворовых. Двухтомник сопровождала моя книжка «Братья Занадворовы». Публикация не случайна. 60 годы, подобно прежним и последующим десятилетиям, были наращиванием восторженных достоинств Пермского издательства. Издатель, критик-литературовед Савватий Михайлович Гинц до Великой Отечественной войны и во время нее печатал прозу и стихи Владислава Занадворова. Он – автор книги о Владиславе. Свою мечту о напечатании двухтомника братьев Занадворовых я обговаривал с ним и с главным редактором Александром Граевским, из фронтовиков. Пермское издательство, наряду со Средне-Уральским издательством, являлось одним из лучших в областной России.

Во всем этом было весьма значительно наличие крупных талантов среди писателей, художников, редакторов – Василий Каменский, Николаи Вагнер, старший и младший, Виктор Астафьев, Владимир Радкевич, Савватий Гинц, Александр Граевский, Виталий Петров (замечательный график, он оформил двухтомник, позже работал главным художником издательства «Современник»), Маргарита Тарасова (тоже замечательный график, сменила его на посту главного художника Пермского издательства).

Я выдвинул двухтомник на премию Ленинского комсомола. Возглавлял комсомол Евгений Михайлович Тяжельников. Мне в Калугу позвонил его помощник (фамилию, к стыду своему, не помню), он высоко оценил творчество братьев Занадворовых и обещал внести их в список абитуриентов премии. Через некоторое время он опять позвонил и говорил уже о положительных впечатлениях самого Тя-

жельникова. Братья Занадворовы, не сомневаюсь, получили бы посмертную премию, если бы не располагал опровержением клеветы Ткаченки на меня, бескорыстника, будто бы стремившегося к выгоде. Выгоды не было и не могло быть. Было самопожертвование. Гонорара за составительство и редактуру я не получал. Гонорар за предисловие и мою книжку «Братья Занадворовы» начислялся наполовину ниже, чем за художественную прозу. Родственники Владислава и Германа вовсе не получали гонорара: пятнадцатилетний срок о наследовании, согласно советскому авторскому праву, уже миновал.

Они защищали Родину

Я не стал бы столь обширно рассказывать о Германе с Владиславом, когда бы не располагал опровержением клеветы Ткаченки на меня, бескорыстника, будто бы стремившегося к выгоде. Выгоды не было и не могло быть. Было самопожертвование. Гонорара за составительство и редактуру я не получал. Гонорар за предисловие и мою книжку «Братья Занадворовы» начислялся наполовину ниже, чем за художественную прозу. Родственники Владислава и Германа вовсе не получали гонорара: пятнадцатилетний срок о наследовании, согласно советскому авторскому праву, уже миновал.

У меня были причины для продолжения писательских судеб братьев Занадворовых: причины духовные, гражданские, профессиональные. Они защищали нашу общую Родину и погибли ради Победы над фашизмом. Я, работавший в металлургии на Победу, едва избежал гибели, но это было в тылу, не мог не выразить им благодарения поклонного от себя, от Урала, от русской словесности. С годами в моих сердце и уме возрастает значение братьев Занадворовых как писателей, отверженных классике, как воинов и патриотов, причастных доблести героев, подобных Николаю Кузнецову и Александру Матросову, тоже уральцев. Надеюсь напечатать произведение Владислава и Германа, выступить с докладами о них, провести во Дворцах культуры, школах, университетах вечера, посвященные их солнценой памяти.

Не устаю удивляться наветам Ткаченки на меня и на его небывлицы в наших отношениях. На странице 41 «Переделкинских прогулок» он пишет: «Серьезная размолвка между мной и Вороновым случилась в конце 1960-х годов, когда началось так называемое укрепление партийного руководства в стране. Напротив, Брежнев распустил партийное руководство в стране».

Никита Хрущев укрепил партийное руководство кадрами промышленности, армии, строителей, сельского хозяйства, интеллигенции. Присущие им ответственность и работоспособность динамизировали, при всех недостатках общего верхнего правления, социальную и культурную жизнь державы, даже хозяйственную. Мало-помалу их активность спадала: образовалась привычка не трудиться, а царствовать. По-особому опасно это стало обнаруживаться в федеративных республиках: всевластие правящей верхушки достигло там хански-султанских свойств. Что надлежит пропедалировать из правящих тенденций партийного начальства: подталкивание агрессивного администрирования, розно и розно проявляющегося в краях, областях и республиках страны.

Продолжение следует

> Причиняющий обиду всегда хуже того, кому она причиняется. ПЛАТОН